

На правах рукописи

Сюе Вэньцзин

ПОЛИТИКА КИТАЯ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ (2013–2025 гг.)

Специальность 5.6.7. История международных отношений и внешней
политики

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2026

Работа выполнена на кафедре теории и истории международных отношений
Федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования «Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы»

Научный руководитель: **КУРЫЛЕВ Константин Петрович**
доктор исторических наук, профессор

**Официальные
оппоненты:** **КРЫЛОВ Александр Борисович**
доктор исторических наук
Федеральное государственное бюджетное научное
учреждение «Национальный исследовательский
Институт мировой экономики и международных
отношений имени Е.М. Примакова Российской
академии наук», главный научный сотрудник
Сектора Кавказа Центра постсоветских
исследований

ЛЕКСЮТИНА Яна Валерьевна
доктор политических наук, профессор
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный
университет», профессор кафедры американских
исследований, профессор РАН

МАРКЕДОНОВ Сергей Мирославович
кандидат исторических наук, доцент
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской
Федерации», ведущий научный сотрудник
Института международных отношений

Защита диссертации состоится «08» октября 2026 г. в 12.00 часов на
заседании диссертационного совета ПДС 1000.009 при ФГАОУ ВО «Российский
университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198,
Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2, ауд. 415.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном
библиотечном центре (Научной библиотеке) ФГАОУ ВО «Российский
университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198,
Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Автореферат разослан «_____» _____ 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Т.И. Понька

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена системной трансформацией современной архитектуры международных отношений, в рамках которой регион Южного Кавказа перешел из категории периферийного пространства в статус одного из значимых геостратегических узлов евразийского континента. В условиях современной системы международных отношений, Китайская Народная Республика, опираясь на реализацию глобальной инициативы «Пояс и Путь», перешла от политики ограниченного регионального присутствия к активному конструированию благоприятной внешней среды. Азербайджанская Республика, Республика Армения и Грузия, занимая уникальное географическое положение на стыке акваторий Черного и Каспийского морей, стали одним из объектов пристального внимания Пекина, рассматривающего данный регион сквозь призму расширения своего геоэкономического присутствия в Евразии. С 1992 гг. по 2025 г. политика КНР на Южном Кавказе прошла сложный путь эволюции, трансформировавшись из формального дипломатического признания суверенитета новых независимых государств в многоуровневую систему всеобъемлющего стратегического взаимодействия.

Актуальность проблеме придает и резкое обострение геополитического противоборства ведущих мировых и региональных центров силы, итоги которого определяют контуры будущего мироустройства. Масштабный кризис европейской архитектуры безопасности и введение беспрецедентных санкционных ограничений после 2022 г. обусловили экстренную необходимость переориентации континентальных транспортных потоков. В этих условиях Южный Кавказ утвердился в стратегии КНР в качестве важного дополнительного сегмента, позволяющего Пекину диверсифицировать транзитные риски в дополнение к основным морским маршрутам (на которые приходится подавляющая доля грузоперевозок), и повысить связность рынков Восточной Азии и Европейского Союза. Однако реализация данных инициатив протекает на фоне перманентной региональной нестабильности, неурегулированных территориальных споров и институциональной хрупкости политических систем государств региона, что требует глубокого академического анализа механизмов адаптации китайской дипломатии к нарастающим вызовам безопасности.

Особое значение для исследования имеет качественная трансформация регионального баланса сил после Второй карабахской войны 2020 г., изменившей геополитический ландшафт Закавказья и создавшей новые условия для проекции влияния внерегиональных акторов. На фоне объективного изменения конфигурации присутствия традиционных игроков регион превратился в арену активного геополитического взаимодействия и конкуренции между Россией, США, ЕС.

Изучение уникального опыта КНР по выстраиванию дифференцированных моделей партнерства с Азербайджаном, Арменией и Грузией представляет значительный научный интерес, позволяя всесторонне оценить вклад китайской дипломатии в формирование «Сообщество единой судьбы человечества» и защиту суверенной субъектности малых государств в эпоху глобальной нестабильности.

Степень изученности проблемы исследования. Проблема внешней политики Китайской Народной Республики в отношении государств Южного Кавказа и специфики реализации инициативы «Пояс и Путь» в Закавказье привлекает внимание широкого круга российских, китайских и зарубежных исследователей. Выявленные труды ученых по изучаемой проблематике можно разделить на несколько групп.

К первой группе отнесены исследования, посвященные общей геополитической ситуации на Южном Кавказе и проблемам региональной безопасности. В данной группе определяющее значение имеют труды профессора К.П. Курылева¹, в которых анализируется процесс формирования регионального баланса сил и специфика военно-политического взаимодействия стран региона в условиях внешней турбулентности.

Значительный вклад в изучение места Южного Кавказа в системе евразийской интеграции внес С.С. Жильцов², чьи работы позволили рассмотреть китайскую стратегию в контексте Большого евразийского партнерства и выявить риски, возникающие перед государствами региона в условиях санкционного давления на Россию.

Важное значение для темы исследования представили работы С.М. Маркедонов³, объектом исследований которого является эволюция геополитических

¹ Курылев К.П., Галоян Н.Г., Станис Д.В., Бредихин А.В. Соблюдение баланса сил на Южном Кавказе // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 62(3). С. 108–118; Курылев К.П., Мартыненко Е.В. Российско-китайское сотрудничество в рамках проекта «Один пояс, один путь». Фактор ЕАЭС и ШОС // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56). С. 1937–1948; Курылев К.П., Воркунова О.А. Российско-китайские отношения – связующее звено трансформации Евразии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 828–844; Курылев К.П., Габриелян Г.Р., Фарактинова Е.Н. Роль и место Центральной Азии в реализации Китая инициативы «Пояс и Путь» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 4 (73). С. 1219–1225; Курылев К.П. Ключевые интересы России – цели и задачи в Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 1. С. 9–25;

² Жильцов С.С. Большое евразийское партнерство: итоги, проблемы и перспективы // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 4. С. 425–435.

³ Маркедонов С. М. Процесс нормализации армяно-турецких отношений: проблемы, вызовы, перспективы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2012. Т. 7. № 87. С. 245–256; Маркедонов С.М. Россия и постсоветские конфликты: стратегия или реагирование // Дружба народов. 2018. № 8. С. 214–222; Маркедонов С.М. Тридцать лет Нагорно-Карабахского конфликта: основные этапы и перспективы урегулирования // Постсоветские исследования. 2018. № 2. С. 132–141;

конфликтов в регионе Кавказа и их современных геополитических влияний. Значительный интерес представляют исследования М.М. Агазаде⁴, в которых детально проанализирована трансформация геополитического ландшафта Закавказья после Второй карабахской войны 2020 года и специфика выстраивания отношений в треугольнике Россия – Азербайджан – Иран.

Автор опирался на труды известного ученого А. Б. Крылова⁵, в которых исследуются развития международных отношений государств Южного Кавказа, проблемам региональной безопасности и интеграционным процессам в Евразии. В работах ученого анализируются российско-грузинские отношения, внешние угрозы для региона, долгосрочные геополитические прогнозы, а также противоречия интеграционных и дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве. При проведении исследования были изучены труды А.В. Гущина⁶, в которых систематически разбираются интеграции на постсоветском пространстве. Также автор опирался на труды Е. Борисовой⁷, Н. Скворцовой⁸, рассматривающих

Маркедонов С.М. Россия в процессе нагорно-карабахского урегулирования // 30-летие конфликта в Нагорном Карабахе. М.: РУДН. 2019. С. 11-26; Маркедонов С. М. Армения и Нагорный Карабах: ценностный и поколенческий сдвиг. // Мировая экономика и международные отношения. 2023. №12. С. 93-103.

⁴ Агазаде М.М. Азербайджано-иранские отношения после Второй карабахской войны: особенности и тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 4. С. 719–733; Агазаде М.М. Геополитическая ситуация на Южном Кавказе после Второй карабахской войны // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 4. С. 401–411.

⁵ Крылов А. Б. Малышева Д. Б. Россия и постсоветские государства Центральной Азии и Южного Кавказа: прогноз на 2030 год // Россия и новые государства Евразии. 2011. №1. С. 44-58; Арешев А. Г., Бредихин А. В., Воркунова О. А. Крылов А. Б. Южный Кавказ в «системе трех морей»: внешние угрозы и внутренние вызовы // Мировая экономика и международные отношения. 2016. №60(10). С. 91-106; Крылов А. Б., Федоровская И. М. Проблемы региональной безопасности на Кавказе в контексте российско-грузинских отношений // Россия и новые государства Евразии. 2016. №2. С.78-90; Крылов А. Б. Особенности современного этапа развития Южного Кавказа // Архонт. 2017. №3. С.4-7; Крылов А. Б. Постсоветское пространство: интеграция vs дезинтеграция // Россия и новые государства Евразии. 2018. №2. С.47-53; Крылов А. Б. Южный Кавказ: этапы постсоветской истории // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 2. С. 147–162.

⁶ Пивовар Е. И., Гущин А. В., Левченков А. С. Интеграция на постсоветском пространстве: новый век новые горизонты изучения // Новый исторический вестник. 2013. № 36. С. 43-55; Гущин А. В. Основные векторы развития российско-белорусского сотрудничества в области образования на современном этапе//Постсоветские исследования. 2023. № 6(2): С. 195-204; Харитонов Н И, Гущин А. В. Ключевые проблемы евразийской интеграции в контексте современных международных трансформаций и политики России на Евразийском пространстве // Постсоветские исследования. 2023. № 6(6). С. 597-609; Гущин А. В. Итоги президентских выборов в США и их влияние на перспективы урегулирования конфликта на Украине // Постсоветские исследования. 2025. № 8(1). С.19-26.

⁷ Борисова Е. Оценка значимости идей Маккиндера в современных реалиях // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 4 (40). С. 24–27.

⁸ Скворцова Н., Абазов Д. Конфликт интересов на Южном Кавказе // Постсоветские исследования. 2020. № 2. С. 181–188;

стратегии внерегиональных держав в зонах постсоветских конфликтов.

Во вторую группу включены работы, в которых исследуются теоретические основы внешней политики КНР, концептуализация национальных интересов Китая и эволюция его дипломатических стратегий.

Уникальный научный интерес представляют публикации А.В. Виноградова⁹. В центре его исследовательского внимания находятся проблемы модернизации, социокультурные трансформации модернизирующихся государств, цивилизации и межкультурные контакты, общественная мысль, современные политические процессы и политические институты КНР. Исследователь анализирует и современную внешнюю политику Китая с учетом ее региональных особенностей.

Особое место здесь занимают труды ведущего эксперта по китайской политической мысли Е.Н. Грачикова¹⁰. Его концепции «китайского мирового порядка» и нематериальной силы КНР позволили автору проанализировать логику становления китайской дипломатии как науки и практики, а также выявить иерархию коренных интересов Пекина в Евразии.

И в трудах авторитетного эксперта по внешней политике Китая в отношении Южного Кавказа Д.К. Бабаяна¹¹ исследуются ключевые политические факторы, действовавшие в различные исторические периоды и оказывающие влияние на развитие отношений между КНР и странами Южного Кавказа.

Среди китайских исследователей, чьи работы посвящены трансформации внешней политики КНР в эпоху Си Цзиньпина, автор изучил труды таких

⁹ Виноградов А.В. Политические системы постсоветских стран и Китая в процессе межсистемной трансформации // Полис. 2019. №3 С.69-86; Виноградов А.В. Россия в Евразии: между Китаем и Западом. Идентичность, идеология и геополитика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. №2. С.228-246; Виноградов А.В. “Однополярная Азия”: китайский региональный порядок // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. №. 3. С. 23-32.

¹⁰ Грачиков Е.Н. Дипломатия Китая: проблемы формирования дисциплины и науки в контексте академического дискурса // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 2. С. 266–282; Грачиков Е.Н. Китайский мировой порядок: дискурс, теория, нематериальная сила // Мировая экономика и международные отношения. 2026. Т. 70. № 4. С. 72–86; Грачиков Е.Н., Чжоу Сяоюй. Национальные интересы Китая: коннотации, иерархия, балансирование // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 8. С. 70–83.

¹¹ Бабаян Д. К. Некоторые аспекты политики КНР на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2011. № 1. С. 82–93; Бабаян Д. К. Роль и место Южного Кавказа в геополитической повестке Китайской Народной Республики // 21-й век. 2011. № 2. С. 66-93; Бабаян Д. К. Политика Китая в Центральной Азии, на Кавказе и Северном Прикаспии в конце XX – начале XXI в. М.: Ин-т востоковедения РАН. 2013. – 323 с.

авторитетных ученых, как Янь Сюэтунь¹², Цинь Яцин¹³, Чжао Тинъян¹⁴, Ли Баоцзюнь¹⁵ и Ян Цзечи¹⁶. Обращение к данным источникам позволило систематизировать этапы смены стратегий Пекина от «выжидания в тени» к «активному лидерству».

Третью группу составляют исследования торгово-экономического и транспортно-логистического сотрудничества КНР со странами Южного Кавказа. Большую помощь при проведении исследования оказали труды профессора Я.В. Лексютиной¹⁷, посвященные анализу состояния, динамики и ключевых направлений экономического сотрудничества Китая со странами Южного Кавказа, а также обоснованию объективных выводов относительно экономической деятельности Китая на Южном Кавказе.

Проблемы развития Транскаспийского маршрута и инвестиционного присутствия Китая в Азербайджане и Грузии глубоко изучены в работах А. Пылина¹⁸, Ван Люин¹⁹, И. Нифтиева²⁰ и. Перспективы реализации армянской инициативы

¹² 阎学通. 从韬光养晦到奋发有为 [Янь Сюэтунь. от «таогуан янхуэй» к «фэньфа юйюн»] // 国际政治科学 [Quarterly Journal of International Politics]. 2014. № 4. С. 1–35.

¹³ 秦亚青. 关系本位与过程建构 [Цинь Яцин. Реляционность и процессуальное конструирование]. 上海: 上海人民出版社, 2012.

¹⁴ 赵汀阳. 天下体系: 世界制度哲学导论 [Чжао Тинъян. Система Тянься: введение в философию мирового устройства]. 北京: 中国人民大学出版社 [Пекин: Издательство Народного университета Китая], 2011.

¹⁵ 李宝俊. 当代中国外交概论 [Ли Баоцзюнь. Введение в современную дипломатию Китая]. 北京: 中国人民大学出版社 [Пекин: Издательство Народного университета Китая], 2012.

¹⁶ 杨洁篪. 努力开创中国特色外交新局面 [Ян Цзечи. Стремиться к созданию новой ситуации в дипломатии с китайской спецификой] // 求是 [Цюши]. 2013. № 16.

¹⁷ Лексютина Я.В. Китай на Южном Кавказе: масштабы экономического присутствия // Постсоветские исследования. 2022. № 1. С. 57–72; Лексютина Я. В., Юаньцзе Ю. Концепт международной дискурсивной силы в идеологии внешней политики Китая // Российско-китайские исследования. 2023. № 7(4). С. 367–380; Лексютина Я. В. Дипломатия принимающей стороны Китая: концепция и практика // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2024. №29. С. 89–103; Лексютина Я. В. Дипломатия Китая в Центральной Азии: механизм многоуровневых партнерств и многосторонние платформы // Постсоветские исследования. 2025. № 8(2). С. 114 –126; Лексютина Я. В. Ориентиры торгово-экономического сотрудничества Китая с Центральной Азией // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. № 30 (30). С. 309–323.

¹⁸ Пылин А. Международные транспортные коридоры на Южном Кавказе и их транзитный потенциал // Геоэкономика энергетики. 2018. № 4. С. 121–137.

¹⁹ Ван Люин. Политика Китайской Народной Республики на постсоветском пространстве (1991–2019 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15. М.: РУДН, 2020. 212 с; Ван Люин. Торгово-экономическая и финансовая политика КНР в Азербайджане // Международные отношения. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovo-ekonomicheskaya-i-finansovaya-politika-kitaya-v-azerbaydzhane/viewer> (дата обращения: 14.08.2026).

²⁰ Нифтиев И. Интересы Китая в индустриализации Южного Кавказа: Сравнительный анализ производительности труда в обрабатывающей отрасли // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 2. С. 205–222.

«Перекресток мира» и интеграции Армении в китайские проекты освещены в трудах Д.О. Арутюняна²¹.

Для повышения академического уровня работы автором был изучен англоязычной литературы, в которой рассматривается конкуренция Китая и Запада в регионе. Это труды Г.Дж. Айкенберри²², Е. Авдалиани²³, Н. Ролланд²⁴, С. Бископа²⁵ и др. Например, Н. Макдонах анализирует процесс экономического «разрыва» и борьбу технологических стандартов на евразийском пространстве²⁶. Особенности китайской финансовой политики и критика концепции «долговой ловушки» предметно изучаются в работах Д. Бротигам²⁷ и С. Асгарова²⁸.

К четвертой группе относятся работы, анализирующие институциональные и гуманитарные аспекты китайской дипломатии. Роль Институтов Конфуция и инструментов «мягкой силы» КНР на Южном Кавказе исследуют Л.Н. Величко²⁹, А.М. Кумуков³⁰, Н.В. Селезнева³¹ и Лань Пэнхэ³².

Таким образом, анализ научной литературы свидетельствует о том, что, несмотря на наличие значительного массива работ по отдельным аспектам двусторонних отношений, комплексное историко-политическое исследование стратегии Китая на Южном Кавказе в период 2013–2025 гг., объединяющее

²¹ Арутюнян Д.О. Проект «Перекресток мира» в контексте повышения транспортной «связности» на Южном Кавказе // Экономические отношения. 2025. Т. 15, № 1. С. 169-190.

²² Ikenberry G.J. A World Safe for Democracy: Liberal Internationalism and the Crises of Global Order // New Haven and London: Yale University Press, 2020. 432 p.

²³ Avdaliani E. New World Order and Small Regions: The Case of South Caucasus // Singapore: Palgrave Macmillan, 2023. 280 p.

²⁴ Nadège Rolland. China's Ambitions in Eastern Europe and the South Caucasus // Russie.Nei. Visions. 2018. No. 112.

²⁵ Biscop S. War for Ukraine and the Rediscovery of Geopolitics: Must the EU Draw New Battlelines or Keep an Open Door? // Egmont Paper. 2023.

²⁶ Naoise McDonagh. US-China competition, world order and economic decoupling // Australian Journal of International Affairs. 2025. Vol. 79. Iss. 3. P. 364–389.

²⁷ Brautigam D. A critical look at Chinese 'debt-trap diplomacy': The rise of a meme // Area development and policy. 2020. № 5. С. 1–14.

²⁸ Asgarov Sirus. The Analysis of China's "Debt Diplomacy" in the South Caucasus // Orta Doğu ve Orta Asya-Kafkaslar Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi. 2024. № 4. С. 63–81.

²⁹ Величко Л.Н., Кумуков А.М. Гуманитарная дипломатия Китая в регионе Южного Кавказа // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2025. № 2. С. 54-73.

³⁰ Кумуков А.М. Страны Южного Кавказа во внешнеполитической стратегии КНР // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2023. № 1. С. 43–53.

³¹ Селезнева Н. В. Институты Конфуция как инструмент «мягкой силы» Китая: проблемы и перспективы развития в новую эпоху // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. № 26. С. 291-305.

³² Лань Пэнхэ. Сотрудничество и обмены между Китаем и Грузией в области культуры и высшего образования // Новые горизонты - 2021: сборник материалов VIII Белорусско-Китайского молодежного инновационного форума. Минск: БНТУ, 2021. С. 174–175.

геоэкономические, институциональные и факторы безопасности в условиях системного кризиса миропорядка, нуждается в дальнейшей разработке.

Объектом исследования выступает внешняя политика Китайской Народной Республики в отношении государств Южного Кавказа.

Предметом исследования являются содержание, ключевые направления и особенности эволюции внешней политики и внешнеэкономической стратегии КНР в Азербайджане, Армении и Грузии в 2013–2025 гг. в условиях реализации глобальной инициативы «Пояс и Путь» и системной трансформации региональной архитектуры безопасности.

Целью диссертационной работы является выявление характера и специфики политики Китайской Народной Республики на Южном Кавказе в 2013–2025 гг.

Для достижения поставленной цели в диссертации поставлены следующие **задачи**:

- выявить особенности становления и развития отношений КНР с Азербайджаном, Арменией и Грузией в 1992–2012 гг.;
- определить и классифицировать национально-государственные интересы КНР в регионе Южного Кавказа в 2013–2025 гг.;
- разработать периодизацию политики Китая на Южном Кавказе, обосновав критерии выделения и содержание каждого из этапов;
- оценить степень согласования инициативы «Пояс и Путь» с национальными стратегиями стран Южного Кавказа («Азербайджан–2030», «Перекресток мира», европейский курс Грузии) и с интересами Российской Федерации;
- раскрыть ключевые направления сотрудничества КНР и государств региона в реализации инициативы «Пояс и Путь»: энергетику, транспортно-логистические коридоры и торгово-инвестиционную сферу;
- систематизировать институциональное измерение сотрудничества КНР и государств Южного Кавказа, определив роль Шанхайской организации сотрудничества и многосторонних финансовых институтов;
- охарактеризовать гуманитарное измерение политики КНР в регионе, раскрыв роль Институтов Конфуция и образовательных обменов как инструментов «мягкой силы»;
- систематизировать геополитические вызовы интересам КНР на Южном Кавказе в условиях конкуренции внерегиональных акторов;
- определить влияние региональной нестабильности, территориальных споров и этнополитических конфликтов на безопасность китайских проектов в регионе;
- выявить экономические вызовы и структурные барьеры, препятствующие реализации китайской экономической дипломатии на Южном Кавказе.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2013 по 2025 гг.

Выбор данных рамок обусловлен логикой качественной трансформации внешней политики КНР на Южном Кавказе: **Нижняя граница (2013 г.)** связана с выдвижением Председателем КНР Си Цзиньпином глобальной инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» (позже – «Пояс и Путь»). Именно в 2013 г. произошел парадигмальный переход китайской дипломатии от политики «нахождения в тени» к стратегии «активного лидерства» (фэньфа юйюн). Для Южного Кавказа это стало точкой отсчета превращения региона из геополитической периферии в стратегически значимый транзитный и энергетический узел в рамках китайского глобального проектирования. **Верхняя граница (октябрь 2025 г.)** обусловлена завершением важного цикла институционального и геополитического закрепления Китая в регионе. К этому моменту отношения КНР со всеми тремя государствами Южного Кавказа (Азербайджаном, Арменией и Грузией) достигли высшей точки своего развития – уровня стратегического и всеобъемлющего стратегического партнерства. Выбор 2025 г. в качестве завершающего этапа позволяет подвести итоги важнейшего периода региональной дипломатии Пекина, в ходе которого в условиях масштабного кризиса евразийской безопасности (2022–2025 гг.) был окончательно сформирован Транскаспийский международный транспортный маршрут (Срединный коридор) как жизнеспособная альтернатива традиционным логистическим путям. В целях соблюдения принципа историзма в работе также кратко рассматривается предыстория отношений в период с 1992 по 2012 гг., что необходимо для выявления предпосылок и динамики последующего перехода к полномасштабной реализации инициативы «Пояс и Путь».

Источниковая база исследования опирается на массив разноплановых материалов на русском, китайском и английском языках, которые по видовому признаку были разделены на пять основных групп. Комплексный анализ данных документов позволил проследить эволюцию дипломатической стратегии Китая в рамках специальности «История международных отношений и внешней политики».

В первую группу вошли нормативно-правовые акты и концептуальные документы стратегического планирования КНР и государств Южного Кавказа. Ключевое значение для понимания правовых основ внешней политики Пекина имеют Конституция КНР / Редакция 11.03.2018³³ и Закон КНР о внешних связях (2023 г.)³⁴. Также проанализированы Концепции внешней политики РФ (1993–2023

³³中华人民共和国宪法 [Конституция КНР]. 14.06.2005. /中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство Китайской Народной Республики]. URL: http://www.gov.cn/test/2005-06/14/content_6310.htm (дата обращения: 10.03.2025).

³⁴ 中华人民共和国对外关系法[Закон КНР о внешних связях]. 28.06.2023. / 中华人民共和国中央人民政府[Центральное народное правительство Китайской Народной Республики]. URL:https://www.mfa.gov.cn/web/wjb_673085/zfxxgk_674865/zcfg/fl/202306/t20230628_11105189.shtml (дата обращения: 10.03.2025).

гг.), позволяющие оценить контекст российско-китайского взаимодействия в регион³⁵. Со стороны государств Южного Кавказа изучены программные документы, закрепляющие национальные приоритеты, в частности, Распоряжение Президента Азербайджанской Республики об утверждении стратегии «Азербайджан 2030»³⁶ и армянская инициатива «Перекресток мира». И официальные международные документы – двусторонние договоры, совместные заявления, декларации и коммюнике. Анализ этих источников позволяет восстановить динамику повышения статуса отношений от первых соглашений 1992 г. до Совместного заявления об установлении стратегического партнерства между КНР и Грузией (2023 г.), а также всестороннего стратегического партнерства с Азербайджаном и Арменией³⁷. Важное место занимают многосторонние документы в рамках ШОС, определяющие контуры региональной безопасности³⁸.

Вторую группу составили делопроизводственные материалы, включающие меморандумы о взаимопонимании, отчеты министерств иностранных дел КНР, Азербайджана, Армении и Грузии, а также протоколы заседаний межправительственных комиссий³⁹. Изучение этих документов позволило детально восстановить ход дипломатических переговоров по конкретным проектам в сфере

³⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 10.03.2025).

³⁶ «Национальные приоритеты социально-экономического развития: Азербайджан 2030». Распоряжение Президента Азербайджанской Республики от 2 февраля 2021 года; Распоряжение Президента Азербайджанской Республики об утверждении «Национальных приоритетов социально-экономического развития: Азербайджан 2030». URL: <https://president.az/ru/articles/view/50474> (дата обращения: 10.06.2025).

³⁷ «Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Азербайджанской Республикой». URL: https://www.mfa.gov.cn/web/.../t20020315_9287841.shtml; 中华人民共和国和格鲁吉亚共和国建交联合公报. 09.06.1992; [«Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Армения»]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/.../t20040928_9306143.shtml; Совместное заявление Китайской Народной Республики и Грузии о дальнейшем развитии дружбы и сотрудничества. 14.07.2006; 中华人民共和国与格鲁吉亚关于建立战略伙伴关系的联合声明（全文）[Совместное заявление Китайской Народной Республики и Грузии об установлении стратегического партнерства (полный текст)]. 中华人民共和国外交部 [Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики]. 31.07.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676476/xgxw_676482/202307/t20230731_11120026.shtml (дата обращения: 10.06.2025).

³⁸ Об участии делегации Секретариата ШОС в официальной церемонии открытия 4-го ЭКСПО «Китай-Евразия» и Форуме китайско-евразийского экономического развития и сотрудничества. Портал ШОС. 01.09.2014. URL: <https://rus.sectesco.org/20140901/8852.html?ysclid=mor5ewf4er437913071> (дата обращения: 10.06.2025).

³⁹ Встреча министра иностранных дел Армении с министром иностранных дел Китая. 26.06.2025. Министерство иностранных дел Армении. URL: https://www.mfa.am/ru/press-releases/2025/06/26/Mirzoyan_Wang_Yi/13337 (дата обращения: 11.11.2025).

энергетики и транспорта.

Третью группу составляют публицистические источники: программные речи и выступления политических лидеров, интервью и аналитические доклады. Особое внимание уделено трудам Председателя КНР Си Цзиньпина «О государственном управлении», в которых концептуализированы идеи «Сообщества единой судьбы человечества»⁴⁰. К этой же группе относятся интервью ведущих дипломатов региона, раскрывающие мотивы сближения с Пекином⁴¹.

Четвертую группу образуют статистические материалы и сообщения информационных агентств. Использование данных Национального бюро статистики КНР и отчетов Евразийского банка развития обеспечило эмпирическую верификацию интенсивности экономического присутствия Китая⁴². Обращение к материалам агентств Синьхуа, АЗЕРТАДЖ и ТАСС позволило зафиксировать фактическую реализацию конкретных инициатив «на земле», от модернизации железной дороги БТК до запуска объектов «зеленой» энергетики⁴³.

В целом стоит отметить, что проблематика диссертационного исследования в российской, китайской и западной научной литературе нашла свое отражение, однако комплексного и глубокого анализа феномен не получил. Но высокая публикационная активность публицистических источников приводит к дискуссиям по некоторым вопросам, что позволяет провести исследование, опирающееся на разные точки зрения и подходы.

Методология исследования обусловлена поставленными целью и задачами, а также спецификой объекта и предмета диссертации. Теоретической базой работы

⁴⁰ Xi Jinping. The Governance of China. Vol. IV. Beijing, Foreign Languages Press, 2022. 658 p; 钱彤: 《习近平在周边外交工作座谈会上发表重要讲话》. 《人民日报》. 2013 年 10 月 26 日. [Цянь Тун. Си Цзиньпин выступил с важной речью на симпозиуме по дипломатии соседних стран // Жэньминь Жибао, 26 октября 2013 г.].

⁴¹ From the interview of the Georgian news agency “Newsday” with Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Georgia in China David Aptsiauri “What is the future of Georgian Chinese relations?” // Information Agency “Newsday”.

⁴² Китайский статистический ежегодник. Национальное бюро статистики Китая. [中国统计年鉴. 中国国家统计局. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/> (Дата обращения: 20.10.2024)]; Объем накопленных инвестиций Китая в Евразийском регионе превысил \$66 млрд: новый доклад ЕАБР. 25.12.2025. URL: <https://eabr.org/press/releases/obem-nakoplennykh-investitsiy-kitaya-v-evraziyskom-regione-prevysil-66-mlrd-novyuy-doklad-eabr/> (дата обращения: 23.02.2026).

⁴³ Азербайджан и Китай приняли декларацию о стратегическом партнерстве. 04 июля 2024. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21267517> (Дата обращения: 08.08.2025); Подписанные между Азербайджаном и китайскими компаниями документы предусматривают производство 2,4 ГВт зеленой энергии. 23.04.2025. Азербайджанское Государственное Информационное Агентство. URL: https://azertag.az/ru/xeber/podpisannye_mezhdu_azerbaidzhanom_i_kitaiskimi_kompaniyami_dokumenty_predusmatrivayut_proizvodstvo_24_gvt_zelenoi_energii-3518915 (дата обращения 23.10.2025).

выступает синтез положений структурного реализма К. Уолтца и теории неофункционализма. Применение структурного реализма позволило рассмотреть внешнеполитические и геэкономические шаги Пекина, Москвы, Вашингтона и Брюсселя в Закавказье как закономерные действия великих держав, стремящихся к максимизации своего влияния и защите национальных интересов в условиях высокой международной турбулентности. В свою очередь, использование инструментария неофункционализма позволило автору детально проанализировать динамику взаимодействия КНР с Азербайджаном, Арменией и Грузией через развитие «функциональных связей» в энергетике и логистике. Это дало возможность выявить действие «эффекта перелива» (spillover effect), при котором техническое и экономическое сотрудничество в рамках инициативы «Пояс и Путь» неизбежно ведет к институционализации политического диалога и формированию стратегических партнерств.

Для глубокой и адекватной интерпретации официального внешнеполитического дискурса КНР автор обращался к концептуальным разработкам современной китайской школы международных отношений. В работе учитываются положения реляционной теории мировой политики Цинь Яцина, рассматривающей международные отношения через призму системы связей и взаимозависимостей, а также теория морального реализма Янь Сюэтуна, объясняющая логику возвышения Китая через концепцию «гуманной власти» и повышение международного престижа. Особое значение для понимания стратегии КНР имеют идеи Председателя Си Цзиньпина о «Сообществе единой судьбы человечества» и концепция «Тянься» Чжао Тинъяна, которые выступают идеологическим и нормативным фундаментом реализации инициативы «Пояс и Путь» в Евразии.

Исследование основывается на принципах историзма, достоверности и научной объективности. Принцип историзма позволил изучить политику Китая на Южном Кавказе в хронологической последовательности, выявить исторические предпосылки нормализации дипломатических контактов в начале 1990-х гг. и проследить эволюцию этих связей до уровня всеобъемлющего стратегического партнерства в 2025 г. Принцип достоверности обеспечил опору исключительно на верифицированные первоисточники и статистические данные, что позволило дистанцироваться от идеологизированных оценок, таких как западный нарратив о «китайской долговой ловушке», и сосредоточить внимание на всестороннем анализе реальных фактов.

Методы исследования. При проведении исследования применялись как общенаучные, так и специально-исторические методы. Из общенаучных методов были задействованы анализ, синтез, детализация и абстрагирование, что способствовало воссозданию целостной картины китайского присутствия в регионе.

В рамках системного подхода использовались специально-исторические методы: историко-сравнительный метод позволил выявить различия в подходах Пекина к государствам Южного Кавказа; историко-типологический метод обеспечил возможность классифицировать модели двустороннего взаимодействия (ресурсно-энергетическую, транзитно-логистическую и балансирующую); проблемно-хронологический метод позволил изучить динамику реализации китайских интересов в условиях обострения глобальных и региональных вызовов.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем выявлена и концептуально обоснована специфика эволюции политики Китайской Народной Республики на Южном Кавказе в 1992–2025 гг. К значимым результатам, определяющим научную новизну, относятся следующие положения:

- на методологической основе с применением общенаучных и специально-исторических методов исследования, с учетом мнений ведущих российских, китайских и зарубежных экспертов осуществлен целостный, детализированный анализ эволюции дипломатической стратегии КНР в отношении государств региона в условиях радикальной трансформации современной системы международных отношений;

- разработана и концептуально обоснована авторская историческая периодизация китайской политики на Южном Кавказе, демонстрирующая качественный переход от этапа «пассивного дипломатического зондирования» (1990-е гг.) к фазе «прагматичного инвестиционного присутствия» (2000-е – начало 2010-х гг.) и, наконец, к современному этапу «проактивного геоэкономического лидерства» (2013–2025 гг.) в рамках системной реализации глобальной стратегии «Пояс и Путь»;

- выявлены и предметно доказаны специфические, строго дифференцированные модели двустороннего взаимодействия Китая с государствами региона, учитывающие их ресурсную и геополитическую специфику: ресурсно-энергетическое стратегическое партнерство с Азербайджаном, транзитно-логистическая модель сотрудничества с Грузией на базе зоны свободной торговли и геополитически балансирующая модель отношений с Арменией;

- исследован малоизученный в исторической ретроспективе фактор влияния постсоветских региональных этнополитических конфликтов (Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия) на архитектуру китайской дипломатии, что позволило раскрыть тактику «осторожного балансирования» Пекина, направленную на обеспечение безопасности инфраструктурных маршрутов без прямого политического вмешательства;

- детально проанализирована трансформация роли Транскаспийского международного транспортного маршрута (Срединного коридора) в китайском внешнеполитическом планировании, при этом доказано, что в условиях

масштабного геополитического кризиса 2022–2025 гг. и санкционного давления Запада Южный Кавказ окончательно утвердился в стратегии КНР как транзитный хаб между Азией и Европой;

- концептуализирована институциональная и гуманитарная составляющая китайской дипломатии на Южном Кавказе, аргументированно показано, как КНР синхронизирует жесткую инфраструктурную политику с механизмами «мягкой силы» и интеграционными форматами в рамках ШОС, формируя комплексную, устойчивую к внешним шокам систему регионального присутствия;

- в научный оборот введен пласт оригинальных источников на русском, китайском и английском языках, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, включая новейшую документацию межправительственного диалога по торгово-инвестиционным вопросам и материалы китайских аналитических центров за период 2023–2025 гг., что позволило исследовать динамику деятельности КНР по формированию регионального сегмента «Сообщества единой судьбы».

Положения, выносимые на защиту.

В рассматриваемый период внешнеполитический курс Китайской Народной Республики на Южном Кавказе претерпел фундаментальную трансформацию: от политики пассивного дипломатического зондирования 1990-х гг. к стратегии проактивного регионального проектирования в 2013–2025 гг. Данная эволюция детерминирована качественным изменением иерархии национальных интересов Китая, где на смену обеспечению базовой безопасности границ пришло стремление к глобальному геоэкономическому лидерству и формированию «Сообщества единой судьбы человечества».

В условиях масштабного кризиса европейской архитектуры безопасности и санкционной изоляции традиционных евразийских маршрутов после 2022 г. Южный Кавказ приобрел для Пекина статус дополнительного транзитного моста. Форсированное развитие Транскаспийского международного транспортного маршрута (Срединного коридора) рассматривается китайским руководством как ключевой инструмент диверсификации логистических цепочек и минимизации зависимости от влияния западных акторов, что превращает регион в опорный элемент глобальной связности в рамках инициативы «Пояс и Путь».

Для максимизации своего влияния КНР реализует на Южном Кавказе строго дифференцированную модель партнерства, адаптированную под национальную специфику каждой республики: стратегическое ресурсно-логистическое взаимодействие с Азербайджаном, базирующееся на синергии углеводородов и транспортных узлов; прагматичный транзитно-торговый союз с Грузией,

опирающийся на уникальный режим свободной торговли; и геополитически сбалансированное сотрудничество с Арменией, сфокусированное на нишевых высокотехнологичных проектах в условиях транспортной изоляции.

Отношение Китая к региональным этнополитическим конфликтам (Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия) характеризуется тактикой «деполитизированного прагматизма». Это подход, при котором прагматичные, практические расчеты и цели отделены от идеологических или политических установок. Он ориентирован на решение конкретных задач, эффективность действий и достижение практических результатов, а не на приверженность определенным ценностям или политическим принципам ⁴⁴. Пекин нейтрализует риски безопасности не путем прямого вмешательства, а посредством создания глубокой функциональной зависимости враждующих сторон от совместных экономических дивидендов. Качественное изменение регионального баланса после 2020 г. продемонстрировало способность китайской дипломатии оперативно адаптироваться к доминированию азербайджано-турецкого альянса при сохранении конструктивного диалога с Ереваном.

Взаимодействие Китая с внерегиональными центрами силы на Южном Кавказе строится на модели сложного многоуровневого балансирования. Пекин виртуозно гармонизирует свои проекты с интересами Российской Федерации в рамках Большого евразийского партнерства, признавая за Москвой роль гаранта военно-политической стабильности, и одновременно предлагает республикам Закавказья привлекательную экономическую альтернативу западному давлению, исключая жесткую политическую обусловленность сотрудничества.

В ответ на системные экономические вызовы и распространение западного нарратива о «китайской долговой ловушке», КНР перешла к реализации стратегии «глубокой индустриальной привязки». Это выражается в переходе от прямого кредитования к созданию совместных индустриальных парков, локализации производств и форсированному экспорту китайских технологических стандартов в сфере «зеленой» энергетики, что обеспечивает долгосрочную рентабельность китайских активов и социальную легитимность присутствия Поднебесной в регионе.

Институциональное закрепление интересов КНР на Южном Кавказе обеспечивается синергией механизмов Шанхайской организации сотрудничества и инструментов гуманитарной дипломатии. При этом институциональное и гуманитарное измерения выступают двумя самостоятельными контурами китайской политики. Вовлечение Азербайджана и Армении в структуры ШОС в качестве партнеров по диалогу образует институциональный контур, а расширение сети Институтов Конфуция — гуманитарный; в совокупности они служат целям

⁴⁴ Бай Сюетун. Стратегическое партнерство КНР и ФРГ в 2004–2023 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15. М.: БГУ. 2026.

формирования лояльных национальных элит и создания единой нормативной среды, устойчивой к внешним идеологическим шокам.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в углублении научных знаний о механизмах взаимодействия великой державы с малыми государствами в условиях системного кризиса миропорядка. Материалы исследования вносят вклад в разработку истории международных отношений на евразийском пространстве, раскрывая специфику реализации китайских парадигмальных теорий («морального реализма», «реляционности», концепции «Тянься») в дипломатической практике на Южном Кавказе. Представленные выводы о дифференциации внешнеполитических подходов КНР и роли Среднего коридора дополняют теоретические представления о процессах формирования Большого евразийского партнерства и трансформации региональных подсистем международных отношений в эпоху глобальной турбулентности.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что систематизированные в ходе работы исторические факты, выявленные тенденции в торгово-экономическом и военно-политическом сотрудничестве КНР со странами Южного Кавказа могут представлять интерес для профильных ведомств (МИД, министерств экономического развития) при разработке долгосрочных стратегий на кавказском и китайском направлениях. Материалы диссертации могут быть использованы в образовательном процессе высших учебных заведений при подготовке учебных курсов по истории внешней политики КНР, геополитике Кавказского региона и современным проблемам евразийской интеграции.

Степень достоверности исследования обеспечивается использованием обширного спектра официальных источников и документов на русском, английском и китайском языках, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Достоверность результатов подкрепляется применением комплексной методики историко-системного анализа, опорой на верифицированные статистические данные Национального бюро статистики КНР и международных институтов развития, а также глубоким критическим анализом экспертных оценок ведущих российских, китайских и западных исследователей, изучающих проблемы Закавказья и инициативы «Пояс и Путь».

Апробация результатов исследования. Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования нашли отражение в шести научных публикациях автора по теме диссертации, изданных в рецензируемых научных журналах, включенных в Перечень ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Перечень РUDN.

Структура диссертации строго подчинена логике научного поиска и решению поставленных задач. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных на десять

параграфов, заключения и обширного списка источников и литературы. Первая глава посвящена историческому контексту, национальным интересам и этапам политики КНР на Южном Кавказе в 1992–2025 гг. Вторая глава раскрывает содержание и ключевые направления политики Китая на Южном Кавказе в рамках реализации инициативы «Пояс и Путь» в 2013–2025 гг. Третья глава представляет собой комплексный анализ геополитических, инфраструктурных и макроэкономических вызовов интересам Пекина в исследуемом регионе и оценку эффективности дипломатических механизмов адаптации КНР к данным угрозам.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность исследования, раскрывается степень изученности проблемы, дается характеристика источниковой базы, формулируются его объект и предмет, устанавливаются цель и задачи, методология, определяются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, а также формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Глава первая **«Исторический контекст, национальные интересы и этапы политики КНР на Южном Кавказе (1992–2025 гг.)»** представляет собой фундаментальный анализ процесса вхождения Китая в регион, начиная с момента распада биполярной системы. Автор исследует трансформацию китайской стратегии от реактивного наблюдения за процессами на постсоветском пространстве к проактивному проектированию региональной реальности.

В первом параграфе **«Становление и развитие отношений КНР и южнокавказских государств в 1992–2012 гг.»** на основе применения аппарата теории неофункционализма выделяются два качественных этапа, определивших современный облик партнерства.

На начальном этапе (1992–2001 гг.) китайская дипломатия решала задачу-минимум: институционализацию официальных контактов. Автор доказывает, что в этот период политика Пекина носила исключительно реактивный характер. Анализ учредительных документов 1992 г. (совместных коммюнике с Баку, Ереваном и Тбилиси) показывает их полную идентичность, что свидетельствует об отсутствии у КНР на тот момент дифференцированного подхода к странам региона. Фундаментальным мотивом Китая выступала легитимизация принципа «одного Китая» и международная изоляция Тайваня. В вопросах безопасности Пекин фокусировался на нейтрализации угроз «Восточного Туркестана», стремясь получить от новых республик гарантии невмешательства в дела СУАР. Показано, что КНР сознательно ограничивала свое присутствие, признавая Южный Кавказ зоной исключительного влияния России, чтобы избежать геополитической конкуренции с Москвой. Экономическая составляющая была маргинальной из-за отсутствия надежных маршрутов и низкого инвестиционного потенциала самого Китая.

Этап предварительного развития (2002–2012 гг.) ознаменовался качественным скачком, вызванным вступлением КНР в ВТО и провозглашением стратегии «выхода вовне» («цзоу чуцзюй»). Автор фиксирует взрывной рост товарооборота (почти в 20 раз за десятилетие) и появление первых функциональных связей в «низкочувствительных» сферах. Именно в этот период оформляется специализация китайских интересов:

В Азербайджане драйвером стал энергетический сектор (приход корпорации CNPC, контракты на модернизацию ТЭС), что запустило классический неофункциональный «эффект перелива» из экономики в политику.

В Грузии акцент был смещен на инфраструктурные проекты (объездная дорога вокруг Тбилиси) и создание первых инвестиционных хабов (СЗТ «Хуалинг»), заложивших базу для будущей транзитной роли страны.

В Армении, в условиях блокады, Китай выбрал тактику создания нишевых совместных производств (завод «Шаньси-Наирит») и развития гуманитарных контактов.

Особое внимание автор уделяет формированию фундамента «мягкой силы». Открытие первых Институтов Конфуция в Ереване (2008), Тбилиси (2010) и Баку (2011) представлено как системная мера по подготовке лояльных национальных элит и снижению культурных барьеров. Резюмируя итоги периода, автор делает вывод, что к 2012 году в регионе была накоплена «критическая масса» функционального взаимодействия, однако целостная региональная стратегия еще не была сформирована, а присутствие КНР носило фрагментарный характер.

Во втором параграфе *«Интересы КНР в регионе Южного Кавказа в 2013–2025 гг.»* автор обосновывает, что осень 2013 г. стала фундаментальным рубежом в евразийской стратегии Пекина. Выдвижение председателем КНР Си Цзиньпином инициативы «Пояс и Путь» ознаменовало парадигмальный переход китайской дипломатии от локального регионального присутствия к глобальному геоэкономическому проектированию. В этой новой архитектуре Южный Кавказ утратил статус геополитической периферии, превратившись в критически важный транзитный и энергетический узел на перекрестке Европы и Азии. Китай рассматривает регион как стратегический мост, способный обеспечить связность континентальных рынков в условиях нарастающей фрагментации мирового экономического пространства.

Ключевым фактором, повысившим значимость региона для Пекина, стала необходимость форсированной диверсификации торговых маршрутов. Автор детально анализирует роль Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ), широко известного как «Средний коридор», который после 2022 г. стал рассматриваться не как факультативное дополнение к северному пути через

РФ, а как жизненно важная магистраль. Развитие этого вектора позволяет Китаю эффективно хеджировать геополитические риски и снижать зависимость от монопольных транзитных направлений. Реализация концепции «пяти связей» («у тун») – от политической координации до сближения народов – стала практической матрицей для интеграции Южного Кавказа в китайское глобальное проектирование.

С геоэкономической точки зрения интересы КНР в регионе выходят далеко за рамки простого транзита и включают стремление к созданию интегрированной энергетической сети. Расположение региона на границе с богатыми ресурсами Каспийского бассейна и Ирана открывает перед Пекином возможности для формирования альтернативных каналов поставок углеводородов. Инвестиции в энергетическую инфраструктуру Южного Кавказа позволяют Китаю не только укреплять собственную энергетическую безопасность, но и экспортировать свои технологические стандарты, особенно в сфере возобновляемой энергетики. Это создает материальную базу для долгосрочного присутствия КНР, превращая экономические проекты в инструмент мягкого проецирования влияния.

В вопросах безопасности Пекин придерживается стратегии «инклюзивного сотрудничества» и уникальной концепции «развития ради мира». Китай позиционирует себя как внеблокового игрока, предлагающего модель взаимодействия, основанную на принципе «совместных консультаций, строительства и использования». Автор подчеркивает, что такая тактика позволяет Китаю заполнять экономические ниши, не вступая в прямую политическую конфронтацию с Россией, Турцией или Ираном. Пекин стремится создать в регионе ситуацию глубокой функциональной взаимозависимости, где экономические дивиденды выступают главным предохранителем от вооруженной эскалации и политической нестабильности, обеспечивая сохранность китайских активов.

В третьем параграфе *«Периодизация политики Китая на Южном Кавказе: критерии выделения и содержание этапов»* автор исследует качественную трансформацию китайского научного и политического дискурса применительно к региону. Опираясь на труды ведущих экспертов, показано, как коннотации интересов КНР прошли путь от классовых приоритетов периода Мао Цзэдуна к национально-государственным в эпоху Дэн Сяопина и, наконец, к доминированию «коренных» (сердцевинных) интересов при Си Цзиньпине. Этот процесс отразил расширение пространственно-географического диапазона интересов Пекина: от концентрации на внутренних потребностях к активному формированию региональной и глобальной повестки. Южный Кавказ стал одним из регионов практической апробации этих новых внешнеполитических установок Пекина.

Автор фиксирует окончательный отказ Пекина от внешнеполитической установки «держаться в тени и копить силы» («таогуан янхуэй») в пользу стратегии

«активного лидерства» («фэньфа юйюнь»). Если на начальном этапе (1992–2001 гг.) политика КНР носила реактивный характер и была сфокусирована исключительно на легитимизации принципа «одного Китая», то современный этап характеризуется проактивным конструированием внешней среды. Китай перестал быть просто наблюдателем региональных процессов, превратившись в самостоятельного архитектора стабильности. Этот сдвиг позволил китайской дипломатии преодолеть ограничения европоцентризма и предложить региону суверенную альтернативу западному давлению.

Теоретическим фундаментом современной политики КНР в регионе выступает «реляционная теория», рассматривающая международные отношения через призму системы связей и взаимозависимостей. Автор аргументированно доказывает, что к 2025 г. Пекин перешел к механизму «функционального втягивания» республик Южного Кавказа в свою орбиту влияния. Это достигается не через создание формальных военных союзов, а посредством формирования технологической и инфраструктурной зависимости. Использование инструментов «нематериальной силы» – информационных и нормативных нарративов – позволяет Китаю предлагать модель отношений, основанную на доверии и системной взаимозависимости в рамках «сообщества единой судьбы».

В завершение главы автор выводит типологию эволюционных моделей, определяемую спецификой национальных интересов сторон. Успех китайской стратегии обусловлен гибкостью Пекина в выборе драйверов интеграции для каждой республики: азербайджанская модель определена как стратегическое партнерство по ресурсам и логистике, грузинская – как прагматичный транзитно-торговый союз, а армянская – как геополитически балансирующая модель. Установлено, что к 2025 г. Китай окончательно утвердился в качестве независимого «центра силы» на Южном Кавказе. Если в 1990-е гг. активность Пекина была ограничена рамками приоритетов России, то сегодня КНР выступает самостоятельным модератором, способным навязывать региону собственную логику развития.

Глава вторая **«Политика Китая на Южном Кавказе в рамках инициативы «Пояс и Путь»»** посвящена комплексному анализу практической реализации внешнеполитических и геоэкономических интересов КНР в регионе. В центре внимания находится процесс стратегического сопряжения китайских трансконтинентальных проектов с национальными программами развития Азербайджана, Армении и Грузии, а также ключевые направления межгосударственного сотрудничества в экономической, институциональной и гуманитарной сферах.

В первом параграфе **«Согласование инициативы «Пояс и Путь» со стратегиями стран Южного Кавказа и интересами РФ»** автор анализирует

индивидуальные подходы трех государств к интеграции в архитектуру евразийских транспортно-логистических коридоров. Выявлена высокая степень стратегической конвергенции между глобальными целями Пекина и национальными приоритетами республик. Доказано, что программа «Азербайджан-2030», армянская инициатива «Перекресток мира» и грузинская стратегия «Европейская интеграция – транзит» концептуально опираются на принцип «пяти связей» и полностью соответствуют целям инициативы «Пояс и Путь». Каждая страна демонстрирует свою специализацию: Азербайджан выступает ключевым транзитно-энергетическим узлом («морскими воротами» Каспия), Армения фокусируется на снятии региональных транспортных блокад через создание меридиональных коридоров (Север-Юг), а Грузия позиционирует себя как беспоплатный транзитно-перевалочный центр на пути в ЕС, опираясь на уникальный статус страны, имеющей соглашение о свободной торговле (ЗСТ) с Китаем. Отдельно рассмотрено согласование китайской инициативы с интересами Российской Федерации: показано, что Пекин сопрягает свои проекты с Форматом Большого евразийского партнерства и ЕАЭС, признавая за Москвой роль гаранта военно-политической стабильности региона, и избегает конкуренции с российскими интеграционными проектами.

Во втором параграфе *«Ключевые направления сотрудничества КНР и государств Южного Кавказа в реализации инициативы «Пояс и Путь»»* детально рассматривается взаимодействие в секторах энергетики, транспортной логистики и торгово-инвестиционной сфере. В энергетике отмечается углубление традиционного сотрудничества с Азербайджаном (проекты CNPC и SOCAR по добыче и глубокой нефтехимии), а также переход к глобальному энергетическому переходу – форсированный экспорт китайских «зеленых» технологий (солнечные электростанции в Гобустане и армянская «Масрик-1», проекты ветроэнергетики в Грузии, поставки электробусов BYD). В транспортно-логистической сфере ключевым драйвером выступает совместное развитие Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ). Показано, что на фоне санкций и геополитических трансформаций после 2022 г. Срединный коридор, модернизация железной дороги «Баку–Тбилиси–Карс» и строительство глубоководного порта Анаклия стали для Китая жизненно важной альтернативой северным маршрутам. В области торговли и инвестиций подчеркивается успешность грузинской модели ЗСТ и переход КНР от прямого кредитования к созданию совместных промышленных парков (например, СЗТ «Хуалинг»).

В третьем параграфе *«Институциональное измерение сотрудничества КНР и государств Южного Кавказа в рамках инициативы «Пояс и Путь»»* автор доказывает, что китайская стратегия опирается не только на экономический базис, но и на многоуровневый институциональный фундамент. Ключевую роль здесь

играет Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которая стала главной платформой для вовлечения Азербайджана и Армении (в статусе партнеров по диалогу) в систему региональной безопасности под эгидой Пекина. Автор выделяет три фазы взаимодействия стран региона с ШОС: исследовательскую (2001–2014), институционализации (2015–2021) и углубления развития (2022–2025).

В четвертом параграфе «Гуманитарное измерение сотрудничества КНР и государств Южного Кавказа в рамках инициативы «Пояс и Путь»» гуманитарное сотрудничество обосновано как самостоятельная, «третья ось» отношений после политики и экономики. Гуманитарная политика, реализуемая через расширение сети Институтов Конфуция во всех трех республиках и образовательные обмены, рассматривается как инструмент «социальной смазки». Подготовка лояльного пула специалистов, ориентированных на китайские управленческие стандарты, и культурно-образовательные обмены нейтрализуют негативные нарративы о «китайской угрозе» и обеспечивают социальную базу для долгосрочной реализации инфраструктурных проектов.

Глава третья «**Вызовы и угрозы интересам КНР на Южном Кавказе**» посвящена комплексному анализу многоуровневых рисков (геополитических, внутрирегиональных и экономических), влияющих на реализацию долгосрочных интересов Китайской Народной Республики. Показано, что в условиях глобальной турбулентности регион Закавказья превратился в арену жесткого противоборства, где инициативы Китая сталкиваются с интересами традиционных и новых акторов – России, США, ЕС, Турции и Ирана.

В первом параграфе «**Геополитические вызовы интересам КНР на Южном Кавказе**» автор применяет системный подход для анализа сложного узла противоречий, выделяя глобальный, региональный и внутрирегиональный уровни угроз. Отмечается, что геополитическая значимость региона традиционно осмысливается через классические теории контроля над Хартлендом, а само Закавказье находится в зоне «цивилизационного разлома». Каждое инфраструктурное достижение Пекина неизбежно вызывает настороженность со стороны других великих держав.

Особое внимание уделено фактору Российской Федерации, которая рассматривает Южный Кавказ как зону своих жизненно важных интересов и «ближнее зарубежье». Показано, что в этих условиях Пекин применяет осторожную «дипломатию малых шагов», выстраивая модель негласного разделения сфер ответственности. В рамках этой модели Китай берет на себя роль экономического и технологического локомотива, сопрягая свои проекты с Большим евразийским партнерством и ЕАЭС, в то время как Москва сохраняет за собой функции основного гаранта военно-политической безопасности региона.

Отдельно и глубоко анализируется масштабный уровень вызовов со стороны коллективного Запада. США и Европейский Союз рассматривают регион как стратегический фронт сдерживания КНР. Автор доказывает, что продвижение европейской инициативы «Global Gateway», требования соглашений об Углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли (DCFTA) и попытки Вашингтона ограничить влияние компании Huawei (в частности, в Грузии в сфере 5G) являются инструментами нормативного, технологического и идеологического блокирования китайской деятельности. ЕС использует свою нормативную мощь (Brussels Effect) для навязывания экологических и социальных стандартов, во многом несовместимых с китайскими подходами.

Также автор подробно рассматривает влияние региональных держав – Турции и Ирана. Турецкая концепция «Среднего коридора» и продвижение идей пантюркизма несут риски дестабилизации для Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) Китая. В свою очередь, острая реакция Ирана на проект Зангезурского коридора ставит Пекин перед необходимостью сложного маневрирования, чтобы не допустить затягивания КНР в военно-политические конфликты.

В качестве вывода по параграфу обосновывается, что для нейтрализации геополитических рисков Китай перешел к стратегии «гибкого прагматизма» и «неполитизированного сотрудничества». Пекин активно поддерживает инициативу «3+3» (Россия, Турция, Иран + три страны Закавказья) с целью создания «регионального иммунитета» против внешнего вмешательства, стремясь превратить потенциальных конкурентов в участников своей транспортной архитектуры.

Во втором параграфе *«Региональная нестабильность и этнополитические конфликты как вызов интересам КНР на Южном Кавказе»* исследуется влияние затяжных этнополитических конфликтов, внутривластной волатильности и информационных войн на китайские интересы. Автор доказывает, что хронический характер территориальных споров (в Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии) выступает структурным барьером, создающим ситуацию «негативного перелива», когда политическая вражда блокирует развитие функциональных связей в экономике и логистике. Показано, что в отношении карабахского урегулирования и проблемы Зангезурского коридора Пекин придерживается строгого нейтралитета, стремясь деэскалировать противоречия посредством создания экономической зависимости конфликтующих сторон от совместных дивидендов ради защиты транзитных маршрутов ТМТМ.

Отдельно выделен критически опасный уровень угроз, связанный с деятельностью «трех сил» – терроризма, сепаратизма и экстремизма. Для Китая Южный Кавказ выступает «первым бастионом» защиты западных границ (СУАР), ввиду чего Пекин активно экспортирует технологические стандарты безопасности и

системы цифрового мониторинга («безопасный город»). Анализируется также уязвимость китайских активов перед риском «цветных революций» и резкой смены политических элит. Кроме того, серьезным вызовом выступают информационные атаки и продвигаемые западными НПО нарративы о «китайской угрозе» и «долговой ловушке». Для нейтрализации этих рисков Китай переходит к стратегии «глубокой локализации» и усилению инструментов публичной дипломатии, чтобы сформировать общественный запрос на сотрудничество вне зависимости от ориентации правящего режима.

В третьем параграфе *«Экономические вызовы и структурные барьеры реализации китайских проектов на Южном Кавказе»* дается оценка структурной слабости национальных хозяйств Азербайджана, Армении и Грузии. С позиций теории неофункционализма обосновывается, что экономические проблемы (депопуляция, высокая долговая нагрузка госсектора, сырьевая направленность экспорта) выступают фундаментальным препятствием для реализации «эффекта перелива». Отмечается, что институциональная незрелость правовой среды, волатильность законодательства и отсутствие суверенных государственных гарантий заставляют китайский частный капитал воздерживаться от масштабных инвестиций в долгосрочные инфраструктурные проекты региона.

Автор деконструирует миф о «китайской долговой ловушке», доказывая на основе статистики, что доля КНР в структуре внешнего долга республик минимальна (в Грузии – менее 3%), а доминирующими кредиторами остаются западные институты (МВФ, Всемирный банк, структуры ЕС). Этот нарратив используется Западом как инструмент геополитического сдерживания. Еще одним вызовом является зависимость окупаемости транзитных проектов от конъюнктуры мирового рынка энергоносителей. В ответ на это Китай форсирует экспорт технологий возобновляемой энергетики. Финальным вызовом называется нестабильность национальных валют и риск вторичных санкций, что требует от Пекина создания автономной финансовой экосистемы, расширения валютных свопов и перехода на расчеты в юанях и национальных валютах.

В Заключении подводятся основные итоги и формулируются выводы по проделанной работе.

Завершение комплексного историко-дипломатического исследования позволяет констатировать, что внешняя политика Китайской Народной Республики в отношении государств Южного Кавказа в период с 1992 по 2025 гг. прошла путь глубокой системной трансформации. Она превратилась из набора спорадических контактов в выверенную долгосрочную стратегию регионального проектирования. Динамика этого процесса была детерминирована не только ростом совокупной национальной мощи Китая, но и качественной сменой парадигм в китайском

внешнеполитическом дискурсе. Иерархия национальных интересов Пекина эволюционировала от обеспечения базовой безопасности границ и дипломатической легитимизации принципа «одного Китая» к доминированию национальных интересов, требующих активного формирования внешней среды и продвижения концепции «Сообщества единой судьбы человечества».

Разработанная периодизация политики Китая на Южном Кавказе позволила обосновать критерии выделения и содержание трех ключевых исторических этапов:

Первый этап (1992–2001 гг.) охарактеризован как период «пассивного дипломатического зондирования», когда КНР ограничивалась формальным признанием суверенитета новых государств, рассматривая регион преимущественно сквозь призму приоритетных интересов России.

Второй этап (2002–2012 гг.) стал фазой «прагматичного инвестиционного присутствия», связанного с реализацией стратегии «выхода вовне» («цзоу чуцзюй»).

Третий, современный этап (2013–2025 гг.) ознаменован переходом к доктрине «активности и предприимчивости» («фэньфа юйюн») и запуском инициативы «Пояс и Путь». К 2025 году Китай окончательно утвердился в качестве независимого центра силы в регионе, способного выступать модератором региональных процессов и предлагать альтернативную западной модель развития, основанную на принципах «неполитизированного прагматизма».

В ходе исследования доказано, что Южный Кавказ прошел путь от геополитической периферии до статуса одного из ключевых транзитных узлов евразийского континента. Современный курс Пекина строится на преодолении «вестфальского корсета» европоцентризма и предложении Азербайджану, Армении и Грузии модели отношений, основанной на «реляционной теории», где ключевым фактором выступает системная взаимозависимость.

Автором осуществлена **классификация интересов КНР по трем векторам:**

Ресурсно-энергетический (обеспечение доступа к каспийским углеводородам);

Транзитно-логистический (диверсификация путей в обход монопольных направлений через развитие Среднего коридора);

Технологический (экспорт стандартов 5G, ВИЭ и цифровых платформ).

Обосновано, что Китай рассматривает Южный Кавказ как стратегический «транзитный мост», позволяющий минимизировать риски в условиях фрагментации мирового экономического пространства.

Оценивая степень сопряжения инициативы «Пояс и Путь» с национальными стратегиями развития, автор выявляет высокую степень их конвергенции. Доказано, что программа «Азербайджан-2030», армянская инициатива «Перекресток мира» и грузинская стратегия «Европейская интеграция – транзит» концептуально опираются на развитие транспортно-логистической связности (китайский принцип

«пяти связей»). Для государств Южного Кавказа китайское проектирование выступает фундаментальным инструментом преодоления географической изоляции. Особое значение имеет создание совместных промышленных парков и свободных промышленных зон (например, СЗТ «Хуалинг» в Грузии), что обеспечивает переход от прямого кредитования к модели «глубокой индустриальной привязки».

Исследование результатов и перспектив сотрудничества в стратегических секторах показало высокую эффективность **дифференцированных моделей партнерства**, которые Пекин выстроил с каждой из республик:

В **Азербайджанской Республике** реализована модель *«ресурсно-логистического партнерства»*. Ключевыми результатами стали модернизация магистрали БТК, расширение порта Баку и запуск флагманских проектов в энергетике (Гобустанская солнечная электростанция). Товарооборот с КНР демонстрирует устойчивый рост, достигнув к 2025 г. рекордных показателей.

В **Грузии** сформирована модель *«транзитно-торгового союза»*. Подписание Соглашения о свободной торговле и участие китайского консорциума в строительстве глубоководного порта Анаклия закрепили за страной роль «стратегических ворот» Китая на рынок ЕС.

В Республике **Армения** превалирует модель *«геополитического балансирования»*. В условиях транспортной изоляции сотрудничество сфокусировано на нишевых проектах: модернизации трассы «Север-Юг», внедрении систем «умного города» и космических технологиях.

Систематизация институционального измерения сотрудничества показала, что Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) стала главной платформой для вовлечения Азербайджана и Армении в систему региональной безопасности под эгидой Пекина, а участие в многосторонних финансовых институтах закрепило финансовый контур китайского присутствия. Характеристика гуманитарного измерения политики КНР позволила выделить его как самостоятельную, «третью ось» отношений после политики и экономики: сеть Институтов Конфуция (включая 13 учебных центров только в Азербайджане) и образовательные обмены обеспечили подготовку лояльного пула специалистов, ориентированных на китайские управленческие и технологические стандарты. Обосновано, что сочетание «жесткой» инфраструктурной силы и «мягкой» культурной дипломатии сделало китайское присутствие долгосрочным фактором регионального развития.

Систематизация геополитических вызовов интересам КНР показала, что политика Китая сталкивается с серьезным противодействием внерегиональных акторов. Выявлено, что активизация западных инициатив (таких как Global Gateway) и давление со стороны США (в вопросах стандартов 5G в Грузии) направлены на нормативное блокирование китайской активности. Определяя влияние региональной

нестабильности, территориальных споров и этнополитических конфликтов на безопасность китайских проектов, установлено, что отношение КНР к региональным конфликтам (Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия) характеризуется тактикой «деполитизированного прагматизма»: Пекин стремится нейтрализовать риски не путем политического вмешательства, а через создание экономической зависимости конфликтующих сторон.

Отдельно в работе **деконструирован миф о «китайской долговой ловушке»**: на основе анализа данных по Грузии и Армении доказано, что структура их долга остается диверсифицированной, а доля КНР не превышает критических отметок, что подтверждает статус Китая как безопасного «партнера по модернизации», а не хищнического кредитора. Вместе с тем выявлены объективные структурные барьеры реализации китайской экономической дипломатии: ограниченная емкость национальных рынков, зависимость окупаемости транзитных проектов от внешней конъюнктуры и сохраняющийся приоритет морских маршрутов, на которые приходится подавляющая доля грузооборота КНР.

В конечном счете, проведенное исследование позволяет утверждать, что к 2025 году внешняя политика КНР на Южном Кавказе приобрела системный, стратегически выверенный характер. Пекину удалось успешно адаптироваться к радикальной трансформации регионального баланса сил после 2020–2022 гг., сохранив статус нейтрального арбитра и ведущего инвестора. Сформированная система функциональных связей в энергетике, логистике и финансах превратила Южный Кавказ в важный элемент новой региональной конфигурации, что вносит весомый вклад в формирование «Сообщества единой судьбы человечества» в условиях формирования многополярного мироустройства.

**ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ РАБОТЫ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ
ПУБЛИКАЦИЯХ:**

а) Публикации в изданиях, входящих в Перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты исследований в рамках диссертаций, представляемых к защите в диссертационных советах РУДН:

1. Сюе В. Инициатива «Пояс и путь» и управление глобальной безопасностью КНР // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7. № 3. С. 302-318.
2. Сюе В. Интересы КНР в регионе Южного Кавказа в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Международные отношения. 2025. № 2. С. 221-234.
3. Сюе В. Вызовы интересам на Южном Кавказе в реализации инициативы «Один пояс, Один путь» // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 6. С. 627-639.
4. Сюе В. Эволюция развития проекта Транскаспийского Международного Транспортного Маршрута и его влияние на инициативу Китая «Один пояс, Один путь» // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 6. С. 640-650.
5. Сюе В. Роль Китая в формировании механизмов глобального климатического управления: эволюция дипломатических стратегий // Международные отношения. 2025. № 3. С. 118-133.
6. Сюе В. Политико-практические аспекты международного сотрудничества Китая и стран Южного Кавказа в сфере возобновляемых источников энергии (2012–2025 гг.) // Конфликтология / Nota Bene. 2025. № 4. С. 144-165.

ПОЛИТИКА КИТАЯ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ (2013–2025 гг.)

Диссертация посвящена исследованию политики Китая в отношении государств Южного Кавказа (Азербайджана, Армении и Грузии) в период 2013–2025 гг. в контексте реализации глобальной инициативы «Пояс и путь». В работе рассмотрена эволюция внешнеполитического курса Пекина от пассивного дипломатического присутствия к стратегии проактивного геоэкономического лидерства под влиянием инициативы «Пояс и путь» и системной трансформации региональной архитектуры безопасности. Особое внимание уделено анализу трех дифференцированных моделей двустороннего взаимодействия Китая со странами региона: ресурсно-энергетическому партнерству с Азербайджаном, транзитно-торговому сотрудничеству с Грузией и геополитически балансирующей модели отношений с Арменией. Автор охарактеризовал ключевые направления сотрудничества в энергетике, транспортно-логистической инфраструктуре (включая развитие Транскаспийского международного транспортного маршрута) и торгово-инвестиционной сфере, а также институциональные и гуманитарные форматы взаимодействия. В диссертации выявлены механизмы адаптации китайской дипломатии к вызовам региональной нестабильности, включая стратегию «неполитизированного прагматизма» и «глубокой индустриальной привязки», позволяющие КНР нейтрализовать риски без прямого политического вмешательства.

Xue Wenjing (China)

CHINA'S POLICY IN THE SOUTH CAUCASUS (2013–2025)

Against the backdrop of Belt and Road Initiative (BRI) implementation, this dissertation examines China's foreign policy towards Azerbaijan, Armenia and Georgia across 2013–2025. It analyses China's regional diplomatic transition from passive engagement to proactive geo-economic leadership, shaped jointly by the BRI and structural shifts in South Caucasian security architecture. The study identifies three distinct bilateral engagement models: resource and energy partnerships with Azerbaijan, transit and trade cooperation with Georgia, and geopolitically balanced relations with Armenia. It further assesses core collaborative areas spanning energy coordination, transport and logistics infrastructure including the Trans-Caspian International Transport Route, bilateral trade and investment, institutional coordination and people-to-people exchanges. Finally, this dissertation articulates China's diplomatic adaptation mechanisms for regional instability, arguing that depoliticized pragmatism and deep industrial integration enable China to mitigate regional risks without direct political mediation.